

УДК 821.161.1(091)"18"

**К ИСТОЛКОВАНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПУШКИНСКОГО ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
«ОН ВИДИТ БАШНЮ ГОДУНОВА...» ЧЕРНОВОЙ СТРОФЫ
«ОТРЫВКОВ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»**

© 2013 г.

В.С. Листов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

vslistov@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Выдвинута новая атрибуция имени святого в «московской» строфе черновики «Отрывков из путешествия Онегина» – Михаил Черниговский. Это позволяет сделать выводы об особенностях восприятия истории Пушкиным и особенностях его исторического мышления, нашедших отражение в романе в стихах.

Ключевые слова: Пушкин, «Евгений Онегин», Карамзин, черновик, московская строфа, святые мученики, история, историческое мышление.

Внимательные читатели пушкинского стихотворного романа хорошо знают, что путешествие главного героя по Европейской России совершается не только в историческом пространстве, но ещё и в историческом времени. Движение кареты Онегина происходит именно там, где отечественное прошлое напоминает о себе в полный голос: Великий Новгород, Валдай, Москва, Нижний, Астрахань, Кавказ, Крым, Петербург... Автор рекомендует эту часть своего сочинения как «Отрывки». И если это действительно отрывки, то выбраны они не только по произволу сочинителя, но и по мотивам, соответствующим размышлениям героя о судьбах отечества. Можно сказать, что путеводителями героя и автора здесь являются Н.М. Карамзин и его «История государства Российского».

Напомним текст разбираемой строфы, написанной в конце 20-х годов и не входившей в корпус прижизненных изданий произведений Пушкина:

*Москва Онегина встречает
Своей восточной суетой,
Старинной кухней угощает,
Стерляжей подчует ухой.
[Народных заседаний проба]
В палате Английского клоба
О кашах пренья слышит он –
Глубоко в думу (?) погруж[он]
Он видит башню Годунова,
Дворцы и площади Кремля,
И храм, где царская семья
Почила близ мощей святого.
Он ходит меж ноч[ных] огней
В садах Московских богачей [1, VI, с. 478].*

Строфа в целом и четверостишие в её составе не обойдены вниманием исследователей. К ней обращались наиболее авторитетные комментаторы стихотворного романа. Вместе с тем, полагаем, смысл четверостишия не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Казалось бы, ход мысли Пушкина прям и прост. Герой входит в Московский Кремль и «видит» древние достопримечательности – башню Годунова, она же колокольня Ивана Великого, и рядом с ней Архангельский собор, где покоятся мощи св. Димитрия Углицкого, младшего сына царя Ивана Грозного. Кажется, под пером Пушкина готовы вновь ожить герои и коллизии трагедии «Борис Годунов», написанной за 4–5 лет до «Отрывков из путешествия Онегина». Во всяком случае, поставленные рядом исторические фигуры царевича и его убийцы предопределяют именно такой ход рассуждений.

Но, возможно, дело обстоит не так просто.

1. Первой деталью нашего рассказа, которая выбивается из ясной и непротиворечивой картины, будет едва заметная неточность, допущенная в Справочном томе к академическому Полному собранию сочинений Пушкина, составленном и отредактированном С.М. Бонди и Т.Г. Цявловской-Зенгер.

На странице 96 Справочного тома читаем: «Архангельский собор в Москве VI 478 («храм где царская семья почил...»).

На странице 434 того же Справочного тома сказано другое и о другом: «Филипп митрополит московский (Федор Колычев) VI 478 (?) («святой»).

Перед нами, по существу, два комментария к одному и тому же четверостишию. Первый комментарий глухой и обобщенный: царская семья «почила» в кремлёвском Архангельском соборе поблизости от мошей похороненного здесь святого; имя святого не раскрыто, поскольку справочные сведения даны к статье словника *Архангельский собор*, а в этом случае такое раскрытие и не требуется. Тут всё неоспоримо. У Пушкина под словом *храм* именно этот собор и подразумевается. В нём похоронены последние рюриковичи и первые Романовы. Последним из «царской семьи» рюриковичей как раз и будет младенец Димитрий. Ничто не противоречит общепринятой версии об Онегине-путешественнике, который сразу «видит» следы и благоденствия, и злодеяния Бориса – воздвижение колокольни Ивана Великого и убийство царевича.

Другое дело – вторая описательная статья: «*Филипп митрополит московский (Федор Колычев) <...> (?) (“святой”)*». Составители тома – Бонди и Цявловская – разумно осторожны. Расшифровывая слово «святой» как «Филипп, митрополит Московский», они ставят вопросительный знак. Они не уверены: этот ли святой подразумевается Пушкиным как похороненный в Архангельском соборе? Да и Архангельский ли собор в таком случае «видят» Пушкин и его герой Онегин? У нас здесь нет возможности рассказывать о трагедии убийства и захоронения противника Ивана Грозного митрополита Филиппа. Довольно будет напомнить: в конце концов, он был погребён там, где и следовало упокоиться митрополиту – в кремлёвском Успенском соборе. Успенском, а не Архангельском.

Попутно заметим: историю Успенского собора Пушкин знал – даже отчасти как семейную историю. В 1642 году стольник Григорий Гаврилович Пушкин надзирал за работами мастеров, украшавших главный храм России [2, с. 20].

Составляя Справочный том, известные пушкинисты допустили очевидную оплошность. Если под наименованием «святой» Пушкин подразумевает Филиппа (Колычева), то объект внимания Онегина – Успенский собор, где обретается рака с мощами этого святого. Но тогда и автору, и герою романа пришлось бы расставаться с пейзажем собора Архангельского, где находится некрополь правителей Московии с XIV века, с Ивана Даниловича Калиты. Автор «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина» прекрасно ориентировался в кремлёвских святынях. Первое соотнесение действующего лица трагедии – Годунова – с реликвиями Архангельского собора находим ещё в сцене «Кремлёвские палаты», когда только что избранный

на царство Борис возглашает: «Теперь пойдем, поклонимся гробам / Почиющих властителей России» [1, VII, с. 15]. Для нашей темы будет важно, что Пушкин вкладывает в уста монарха слово «властители». Оно точнее, чем «цари», т.к. с патриархом и боярами Борис идёт именно в Архангельский собор, где покоятся не только цари, но и царская семья, великие, князья.

Неувязка в отсылочных справочных данных у Бонди и Цявловской может быть отмечена, но ее не следует преувеличивать. Гораздо существеннее другое. Наши выдающиеся пушкинисты *не приняли безоговорочно версию, по которой некрополь царской семьи располагается вокруг могилы младенца, св. Димитрия*. В отсылках к его имени вообще не упоминается разбираемая строфа «Путешествия Онегина» [1, VI, с. 478]. Почему?

Трагедия, спрессованная в кремлёвских впечатлениях Онегина, по нашему мнению, была, возможно, много древнее Смутного времени. Для того чтобы это понять, нам на некоторое время придётся оставить не только «башню Годунова», соборную площадь Кремля, но даже и Москву, которую озирает скучающий Евгений.

2. Примерно лет за десять до того, как Пушкин начал сочинять «Путешествие Онегина», Н.М. Карамзин напечатал первые тома своей «Истории государства Российского». Говоря современным языком, они стали бестселлером. По наблюдениям поэта, их бросились читать все – даже светские женщины [1, XII, с. 305]. Онегин принадлежал к тому столичному кругу, в котором знакомство с карамзинской «Историей» почиталось не переменным условием широко понимаемой «олигархической беседы». Поводов, влекущих к страницам отечественного прошлого, находилось немало. Например, все ещё хорошо помнили 1812 год, нашествие французов, бедствия начального этапа войны. Может быть, поэтому главы многотомника, посвященные разорению отечества от монгольского завоевания, читались с повышенным интересом, воспринимались с особой остротой.

В главе первой тома IV Карамзин рассказывает о начальных годах монгольского владычества над Русью. Уже Тверь и Владимир, Москва и Киев, многие грады и веси русских земель разорены пришельцами; князья вынуждены признать свою вассальную зависимость от язычников, платить им дань. Карамзин подробно прослеживает судьбу одного из удельных владык – князя Михаила Всеволодовича Черниговского.

К этому времени князь немолод, особенно по меркам того времени – ему под шестьдесят. Его политическая биография соткана из противоречивых, разнонаправленных событий. С переменным успехом правил он в Новгороде, неудачно пытался сколотить единый фронт русских князей против монголов; бежал от их нашествия в Венгрию, Польшу; пробовал создать коалицию европейских государей против хана Батыя – не вышло. В 1246 году он отправился в Орду, чтобы под властью хана утвердить своё княжение в Чернигове.

Вот как повествует об этом неоднократно и внимательно прочитанный Пушкиным Карамзин: «Михаил <...> прибыл в стан к моголам и хотел вступить в Батыев шатёр; но волхвы, или жрецы сих язычников, блюстители древних суеверных обрядов, требовали, чтоб он шёл сквозь разложенный перед ставкой священный огонь и поклонился их кумирам. “Нет! – сказал Михаил, – я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государств земных; но христианин не служит ни огню, ни глупым идолам”».

Услышав о том, свирепый Батый объявил ему <...>, что должно повиноваться или умереть. “Да будет!” – отвечивал князь». [3, с. 278–279] Вместе со своим боярином Федором, Михаил был казнён, и сам Батый, пишет историограф, удивлялся твёрдости несчастного князя [3, с. 276].

Оба мученика были причислены к лику святых. Всё это имеет прямое отношение как к историческим впечатлениям автора и героя, так и к судьбе кремлёвского собора-некрополя. Пора напомнить: храм, который «видит» Онегин, освящён в честь архангела Михаила; полное его название – Михайло-Архангельский государев собор. В нем и покоятся мощи соименника архангела, Черниговского князя.

В нашу задачу не входит подробное изложение истории канонизации мучеников, их захоронения. Скажем только, что татары отдали тела родне, и они были преданы земле в Чернигове. Впоследствии мощи перенесли в Москву, и они нашли свой новый приют в церкви Св. Михаила и Феодора, устроенной в Тайницкой башне Кремля. Затем в связи с начатой при Екатерине II реконструкцией Кремля церковь упразднили, а мощи временно положили в Сретенском соборе. Наконец 21 ноября 1774 года, останки св. Михаила и его сподвижника торжественно перенесли в Кремль, в Михайло-Архангельский собор. Серебряную раку установили на возвышении в пять ступеней. Среди изображений, коими она была украшена, есть и

«принуждение князя Михаила с боярином его шествовать на поклонение кумирам чрез огонь [2, с. 37]. МонуMENT, венчающий могилу, чеканил английский мастер Пётр Роберт».

Значит, с 1774 года Архангельский собор заместил собою церковь Михаила и Феодора, упразднённую при начале екатерининской перестройки Кремля. Святыня, что была в Тайницкой башне, не только сохранялась, но как бы повышалась в своём значении. «Царская семья», упокоившаяся близ святого, обретала ещё одного покровителя. Это соображение могло распространяться и на убиенного царевича Дмитрия – он ведь тоже при жизни находился в статусе члена царской семьи.

Таким образом, святой Михаил Черниговский упокоился в храме, названном в честь его небесного покровителя – архангела Михаила. Храм в Кремле как бы обрёл, если позволено будет так сказать, двойное посвящение – во-первых, общехристианскому предводителю бесплотных сил и, во-вторых, русскому мученику, до конца стоявшему за веру. Благодетельную эпитафию Михаилу Черниговскому заблаговременно сочинил митрополит Московский Амвросий, потом убитый чернью во время холерного бунта в Москве. [2, с. 38]

Всё сказанное, думается, существенно, но не должно служить прямому и решительному отрицанию традиционной версии, по которой Онегин воспринимает храм как место упокоения Дмитрия Углицкого. Например, полностью остаётся в силе суждение Н.И. Клеймана: «Пушкин выделит в панораме Кремля памятники вполне определённой эпохи: колокольню “Иван Великий”, построенную при царе Борисе», и гробницу убиенного царевича Дмитрия, мощи которого перенесли из Углича в Архангельский собор при царе Василии Шуйском. Это вехи той поры царевубийства, узурпаторства, самозванства и смуты, что волновала умы многих современников Евгения Онегина: в частности, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и К.Ф. Рылеева (в думе которого как раз упоминаются “кровь царевича святая” и “отрок святой”).

Возникающий благодаря этим акцентам исторический фон – безусловно трагедийный, чтобы не сказать – кровавый» [4, с. 93].

Если под сводами одного собора как бы соединяются трагедии двух эпох – XIII и XVI столетий – то религиозно-нравственный фон не становится менее кровавым, а как раз ещё больше сгущается. Исторические видения героя и автора обретают многовековую глубину. И вопрос окончательного исследовательского и читательского выбора между двумя святыми, видимо, не

должен искусственно обостряться. Собственно, это далеко не первый пример равноправия разных смысловых потоков в пределах одного пушкинского утверждения. В том же романе в стихах находим, как известно, строки о характере героини: «Татьяна (русская душою / Сама не зная почему) <...> Любила русскую зиму» [1, VI, с. 98]. Попробуйте понять, чего не знала Татьяна: почему она русская душою или почему она любила русскую зиму? Автор романа не отвечает на этот вопрос, отпускает читателей на свободу – толкуйте, как хотите. Или ещё: целая повесть «Пиковая дама» не даёт понять – происходят ли нереалистические эпизоды в ткани правдивого рассказа или в больном (пьяном?) сознании главного героя? Достоевский, при всей своей пронизательности, так и не разгадал этой загадки: «Вы не знаете, как решить» [5, с. 192]. Так же и «Путешествие в Арзрум» не позволяет решить, встречал ли Пушкин тело убитого Грибоедова; текст записок даёт аргументы как сторонникам, так и противникам правдоподобия этой встречи [6, с. 290]. Таких и подобных примеров можно привести множество. Имя святого в черновике московской строфы «Отрывков из путешествия Онегина», по нашему мнению, находится в этом же ряду.

Как уже было сказано, нам не удалось найти фактических оснований, чтобы принять предположение С.М. Бонди и Т.Г. Цявловской, будто в изучаемой строфе речь идёт о мощах Филиппа, митрополита Московского, жертвы кровавых оргий Ивана Грозного. Но сам по себе ход мысли известных пушкинистов очевиден: в любом случае Пушкин имеет в виду праведника, погибшего от рук безбожного врага. Такое, чисто философское истолкование ничуть в принципе не меняется от перемены имени исторической личности, будь то Михаил Черниговский, Филипп Московский или Димитрий Углицкий.

Более того. Выбор, например, между Михаилом и Димитрием ещё более затрудняется, если вспомнить, как в первой же сцене «Бориса Годунова» князь Шуйский представляет заглавного героя: «Вчерашний раб, *татарин*, зять Малюты». ([1, VII, с. 7] курсив наш. – В.Л.)

Значит, в исторической ретроспективе святыне одинаково казнимы одной и той же враждебной силой. И в каком-то смысле русское время как бы стоит на месте. Это понимали и Карамзин, и его современники-читатели – реальный автор и вымышленный Евгений. Русское прошлое несёт свои родовые черты от XII века до XVI, а может быть, и дальше – по направлению к XIX–XXI столетиям. Московская строфа, как, видимо, и все строфы «От-

рывков из путешествия Онегина», не просто многозначна, не просто может быть наполнена различными смыслами. Она содержит в себе не столько точные фактические сообщения о старой столице, сколько некую образную ткань, художественно и суммарно отражающую мотивы, существенные для автора и героя.

3. С этой точки зрения любопытна и содержательная сторона заключительных строк, идущих сразу после напоминания о башне Годунова и о царской семье, упокоенной близ мощей. Онегин

<...> *ходит меж ноч[ных] огней*
В садах Московских богачей.

Понятно: сопровождая героя по своему родному городу, Пушкин не может, да и не хочет совершенно отрешиться от своих детских впечатлений и воспоминаний. Ночные огни в парках и садах московских вельмож естественно возникают под пером поэта. Тем не менее не всё так просто. Мы не намерены искать твёрдых датировок для онегинских прогулок по Москве. Но ясно, что на дворе двадцатые годы: в послепожарной столице автор не находит множества примет быта, оставшихся в памяти с детства. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» [1, XI, с. 243–267], написанной несколько лет спустя, Пушкин даёт элегический обзор упадка грибоедовской Москвы, где не задают больше роскошных празднеств с роговой музыкой, шумными пиршествами и легендарными чудачествами. Нетрудно представить себе, что именно из этого ряда ушедших примет будут и «огни в садах Московских богачей». Да автор и сам это подтверждает. В беловом автографе статьи прямо сказано: «плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой» [1, XI, с. 245]. А в черновом автографе вместо «цветных фонарей» сказано «китайские фонари» и, кроме того, помянуты среди ушедших московских черт – «фейерверки» [1, XI, с. 485]. Теперь это явления, конечно, редкие, не повседневные. Онегин вряд ли так уж обыденно ходит по ночным садам, где горят плошки и сжигают дорогие фейерверки.

Но тогда зачем автору понадобился этот анахронизм? Для чего Пушкин пускает героя не в современный город, а в город своего детства? На одно из объяснений намекает контекст двустихия, завершающего онегинскую строфу. Онегин *видит* храм, где похоронен святой, и *ходит* меж ночных огней.

Если в образе святого мыслится Михаил Черниговский, то герой совершает хронологи-

чески обратный путь. Он сначала видит могилу праведника, а потом обретает напоминание о картине его гибели. Это вид шествия на казнь между огнями, выполненный в форме чеканки англичанина Роберта. Потом перед мысленным взором путешественника должен возникнуть рассказ Карамзина: именно между огнями, которым он не желал поклониться, князь Михаил был влекомо на казнь язычниками.

Дальним отблеском этих языческих огней мерцают давние московские пейзажи перед глазами петербуржца.

В этом смысле идейное поле строфы находит важные аналогии в творчестве Пушкина. Одна из любимых мыслей поэта в том и состояла, что с течением времени, со сменой исторических эпох, происходит измельчание как рода человеческого, так и отдельных его представителей. Этим наблюдением поэт делится столь часто, что здесь даже нет возможности дать полный и внятный обзор указанного мотива у Пушкина.

Например, на страницах «Египетских ночей» сравниваются герои древности – Клеопатра и ее любовники – с женщинами и мужчинами петербургского большого света. Сравнение не в пользу земляков Онегина, изленившихся и малодушных. В «Замечаниях по русской истории XVIII века» Петру I, северному исполину, наследуют «ничтожные» [1, XI, с. 14] правители. Потомки воинственных варягов в таком же ничтожестве прозябают в селе Горюхине. А современный полководец генерал И.И. Дибич, не взявший Царьграда, никак не соперничает с древним князем Олегом (см. стихотворение «Олегов щит»). В поэме «Езерский» подробно прослежено, как «бледнеет блеск и никнет дух» от могучих предков до «гражданина столичного» [1, V, с. 100, 103], ничем, кажется, не замечательного.

Таких исторических наблюдений у Пушкина – неисчислимо множество.

Евгений, зевающий и тоскующий в садах старой Москвы, – явление этого же ряда. Дальний предок не кланялся батыевым огням, отставив святыню собственной своей совести. И за то без колебаний расстался с жизнью. Теперь всеобщее унижение настигает и людей, и обстоятельства. Огни совершенно нейтральны, никому и ничем не грозят; на смену суровым противостояниям пришли бездумные праздники. Неприятие этих огней не подвергает Евгения риску, не зовёт испытывать твёрдость каких бы то ни было взглядов и убеждений. Единственный отклик героя на это холодное пламя – всё та же хандра, всё та же тоска.

На Соборной площади Кремля Евгений оказывается совсем не «лишним человеком». Он

помещён здесь на скрещении исторических, философских и нравственных соображений. Тот моральный урок, который преподан у престолов Михайло-Архангельского храма, мог быть понят современниками Пушкина как вечное напоминание: нет выше подвига, как положить душу свою за други своя. И нет больше преступления, чем детоубийство и поклонение царю Ироду.

Всё это могло подвергаться суду в кругу декабристов, например, на русских завтраках, сходках у К.Ф. Рылеева, помянутых в онегинских строфах [1, VI, с. 523]. Там, за чашею вина или за рюмкой водки, могли обсуждаться коренные особенности отечественной мысли, передаваемые из века в век, из поколения в поколение. Так, в русле карамзинского рассказа о предсмертном монологе князя Михаила, уместно было бы поставить вопрос о деспоте, которому «небо вручило <...> судьбу государств земных». Следует ли по этой причине деспоту поклоняться? Верно ли мы толкуем евангельское «нести власти еще не от Бога»? В подобных размышлениях седая древность вдруг становилась злободневной как свежая газета.

Соборная и Сенатская площади столиц неожиданно оказывались в близком историческом родстве.

Нам и раньше приходилось замечать такое родство. В пушкинской трагедии «Борис Годунов» простолудин из толпы на Соборной поднимает голос против державного вранья вокруг убийства царевича: «Вот уж им будет, безбожникам» [1, VII, с. 76]. И то же самое страшное «Ужо тебе» звучит в устах героя на Сенатской – против другого царя-Ирода, убившего своего, т.е. царского сына [7, с. 56–63].

* * *

Всего четыре строки из «Путешествия Онегина» оказываются всеобъемлющим напоминанием, одним из магистральных направлений отечественной истории.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: Т. I–XVIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1956.
2. Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы / Сост. С.Р. Долгова. М.: Московский рабочий, 1992. 256 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: ЭКСМО–ПРЕСС, 2009. 1024 с.
4. Клейман Н.И. «О кашах пренья...» (Опыт текстологического анализа) // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 91–104.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л.: Наука, 1988. 456 с.

6. Фомичев С.А. Грибоедов. Энциклопедия. СПб.:
Нестор-История, 2007. 396 с.

7. Листов В.С. Новое о Пушкине. М.: Стройиздат,
2000. 448 с.

**AN INTERPRETATION OF PUSHKIN'S QUATRAIN «HE SEES GODUNOV'S TOWER...»
CONTAINED IN THE DRAFT «EXCERPTS FROM ONEGIN'S TRAVELS»**

V.S. Listov

The article suggests a new attribution of the saint's name mentioned in the «Moscow stanza» of the draft «Excerpts from Onegin's travels»: Mikhail of Chernigov. This attribution permits certain conclusions about the peculiarities of Pushkin's perception of history and of his historical thought reflected in his novel in verses.

Keywords: Pushkin, «Eugene Onegin», Karamzin, draft, «Moscow stanza», holy martyrs, history, historical thought.